Г. Г. Левин

ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИИ ТЕКСТОВ ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Основной целью статьи является анализ орфографических особенностей текстов енисейских памятников древнетюркской письменности. В работе впервые рассматриваются вопросы вариативности фиксирования рунических знаков и специфика написания гласных, согласных фонем в корневых основах и аффиксах. На основе фонетических, структурных и грамматических особенностей словоформ составляется общая картина орфографии рунических текстов енисейских памятников. Автор, анализируя основные правила письма, по-новому составляет орфографическую систему енисейского письма.

Ключевые слова: орфографическая система, гласные и согласные фонемы, руническое письмо, енисейские памятники.

G. Levin

ORTHOGRAPHICAL FEATURES OF TEXTS OF THE ENISEY MONUMENTS

The orthographical system of texts of Enisey monuments is analysed. A general picture of the orthographical system of the Runic signs is made on the basis of phonetic and structural analysis of root stems and affixes, the specifics of writing vocal and consonantal phonemes in root morphemes and affixes and also the variation of writing of some roots.

Keywords: orthographical system, vocal and consonantal phonemes, runic letter, Enisey monuments.

По проблематике палеографии и орфографии енисейских памятников было написано немало научных статей. В работах известных тюркологов В. В. Радлова, В. Томсена, С. В. Киселева, С. Е. Малова, И. В. Кормушина, А. М. Щербака, И. Л. Кызласова, А. С. Аманжолова, Д. Клосона и др. в основном затрагивались отдельные вопросы палеографических и орфографических особенностей енисейских эпитафий. Но орфографическая система енисейского письма со стороны грамматических признаков словоформ и аффиксальных морфем, а также структурных особенностей основ не была системно изучена.

Основной целью данной работы является анализ орфографической системы текстов енисейских памятников. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: а) уточнения основных правил фиксирования гласных звуков в корневых и непроизводных основах; б) выявление особенностей написания гласных звуков в определенных структурных типах; в) выявление специфики фиксирования и пропуска гласных звуков в аффиксальных морфемах; г) рассмотрение вариативности написания согласных и гласных звуков; д) уточнения написания палатальных и велярных согласных в корневых основах и аффиксах.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1) впервые на основе фонетических, структурных и грамматических признаков словоформ и аффиксов составляется общая картина орфографии енисейских текстов;

2) впервые системно рассматриваются правила выписывания и пропуска гласных фонем в аффиксальных морфемах;

3) уточняется особенность написания согласных и гласных фонем в корневых основах и аффиксах;

4) по-новому составляются основные правила орфографии енисейских текстов.

Об орфографических и графических особенностях енисейских надписей в работах тюркологов

Известно, что пионерами палеографических исследований енисейских надписей являются В. В. Радлов и С. В. Киселев. Академик В. В. Радлов, основываясь на значительном расхождении между енисейскими и орхонскими алфавитами и принимая во внимание отсутствие на территории между р. Хануй и хребтом Танну-Ола каких-либо следов руническихнадписей, делал заключение о параллельном и не зависимом друг от друга развитии орхонского и енисейского алфавитов. По его мнению, местом, где произошло разветвление некогда единого алфавита, была территория, примыкающая к Черному Иртышу, от которой сравнительно недалеко до реки Хемчик и к которой близко находится бассейн реки Орхон.

С. В. Киселев, учитывая факт отсутствия рунических надписей в бассейне Иртыша, а также «на всем протяжении от Кемчика до Черного Иртыша», считал местом возникновения тюркской рунической письменности и исходным пунктом её распространения Семиречье. По его предположению, енисейские руны по палеографии близкое отношение имеют к таласским и, будучи более древними, чем орхонские, отражают именно «ту стадию рунической письменности, на которой еще не закончилось сложение буквенных форм» [3, с. 70–73]. А. Габен наметила другую последовательность развития рунической письменности: Талас — Енисей — Орхон [10, с. 12]. И. Л. Кызласов высказал мнение о том, что енисейское письмо могло сформироваться не на основе классического орхонского письма, а на базе письмен более раннего периода, который следует именовать верхнеенисейским. Он считает, что в бассейне Верхнего и Среднего

Енисея в Средние века кроме известной енисейской письменности употреблялось южно-енисейское письмо, палеографическая особенность которого в основном наблюдалась в неупорядоченности форм одних и тех же букв. Отмечая палеографическую особенность, И. Л. Кызласов полагает, что «южно-енисейские надписи не составляют полного палеографического единства, а принадлежат к нескольким изводам одного алфавита» [5, с. 48]. И. В. Кормушин сделал вывод, что все енисейские памятники написаны позже первой трети или даже первой половины IX века [4, с. 26].

Расшифровка большинства руническихзнаков енисейского письма является общепринятой. Но в енисейском алфавите наблюдаются отдельные специфиче ские знаки и множество иных вариантов орхонских знаков. Например, В. Томсен специфический знак ê читал как гласный [ä] [12, с. 1–9]. В. Банг знак â рассматривал как идеограмму для баш в значении «голова, вершина горы» [8, 289]. З. Жиро считал данный знак специальной лигатурой, передающей сочетание [ča, čä], а Д. Клосон — лигатурой, обозначающей сочетание lïr или nïr [9, с. 78], А. С. Аманжолов данный знак читал как [rt] в словах art «перевал», qart «рана, язва» [1, с. 16–26]. Здесь следует заметить, что Д. Клосон сделал вывод о том, что некоторые рунические знаки имеют двоякое значение. По его предположению, знаки [b], [p], [d] имеют более широкую интерпретацию (b-v, p-f, d-δ).

И. А. Батманов в енисейских надписях выделил два наречия: эӨнаречие и i-наречие и шесть диалектов — в зависимости от характера отражения общетюркских *s и *š (š — диалект, š >s — диалект и s> š — диалект) [2, с. 45–50]. По этому поводу А. М. Щербак писал: «...мы должны вместе с тем отметить недостаточную обоснованность разграничения енисейских текстов по названным признакам и, прежде всего, по признаку употребления i вместо эӨ.Хорошо известно, что почти все рунические знаки, служившие для передачи гласных, были полифонными и что знак i обозначал не только (ï) i, но и эӨ. По его мнению, выделение диалектов по признаку употребления [s] вместо [š] и [š] вместо [s] также является необоснованным. Он считает, что в енисейском алфавите имеются два знака для [s] ò с различными вариантами — твердорядный [s], s — мягкорядный [s] и один знак для [š] à с двумя его вариантами É и Ä . Как он отмечает, средства передачи ò — твердорядные [s], [š], s — мягкорядный [s], à — мягкорядный [š] [7, с. 130, 131].

С. Е. Малов в енисейских надписях отметил следующие палеографические и орфографические особенности:

1. Фиксирование начального а [a] в корневых основах, например: ačda «в милости» [E. 2]. По этому случаю он писал: «Ačda bän — я в крайности, за неимением ничего другого, перевел бы через ač (монг.) ‘милость, благодеяние’. В этом памятнике слова ačda написано с буквы а (а) в начале слова, что не обычно. Слово голод ‘ač’ тоже в рунах пишется, по исключению с а, например, в Памятнике в честь Кюль-Тегина (малая надпись)».

2. Употребление своеобразного знака ò (черта, которого вырезана на левом ответвлении) [š], [s] [E. 7].

3. Использование для небного [b] двух знаков ê и b [E. 7].

4. Использование разделительного знака а. (с точкой) в средней и 2-й строках [E. 11]. По мнению С. Е. Малова, здесь характерно использование для разделительных знаков кроме двоеточия и одной точки (в середине).

5. Явление бустрофедона: t <å L<G: Ç p(g)à pb n : t (D)(R)Yë p(D)a: [E. 18, 19] «Qutluğ čigši bän qadïr jağєïda —

‘Я Кутлуг чигши («Счастливый»)’. При жестоких врагах (войнах)» [E. 19].

6. Употребление специфических знаков [š], W [č] [E. 41].

7. Однобуквенное (ё) написание слова aєğï «казна» [E. 42].

8. Фиксирование в обратном направлении графем L [l], K [q], m [m] [E. 43].

9. Необычное написание слова ädgü «хороший» ö è d b [E. 45].

10. Отдельное фиксирование падежных форм от корней: :AD:m à Y “ «jašïm-da — в моем возрасте» [E. 1], aK:NDo B “ «Budun-qa — народу» [E. 1].

11. Использование специфических графем í [a], (Õ) [ğ], Ï [d или m], **x** [q], Á [E. 49].

С. Е. Малов, анализируя расшифровки Х. Н. Оркуна, В. В. Радлова, сделал некоторые свои корректировки и замечания. В частности, основные замечания были высказаны в чтении отдельных рунических знаков. Например, он отметил: «Слово a d z s (по ретушированному снимку a d z Y) Х. Н. Оркун читает и передает a d z y, что он хочет читать и переводить jazïda (в степи). Но ведь здесь не jazïda, jäzidä: буквы y [j] и d [д] здесь — переднего ряда, в рунической письменности это слово пишется a d I z Y jазыда (в степи)» [6, с. 17].

Итак, обобщая основные результаты расшифровок тюркологов и обосновывая результаты, полученные нами при исследовании енисейских текстов, можно представить себе общую картину орфографических особенностей.

Орфографические особенности в корневых и непроизводных основах

1. Обычно в начальной позиции и первом слоге, а также в односложных основах структуры CVC не отмечается графема a [a, ä]. Например l [E. 3, 29, 75] äl, ô B [E 32], É B [E 39], â B [E 49] baš ‘1. голова, верхушка, начало: 2. начальник, старший, главный’; à å taš ‘камень’ [E 34, 48, 49]; r g ägir ‘окружать, объезжать’ [E. 43], LBLB balbal ‘изваяние, каменная баба’ [E. 32, 34, 51].

1.1. В редких случаях фиксируется специальный знак ê, обозначающий фонему [ä]: à ê k käš ‘пояс, колчан’ [E. 25], l ê äl ‘государство, народ’ [E. 44, 51]; à ê b bäš ‘пять’ [E. 45]; i kê [E. 49] äki ‘два’.

1.2. В отдельных моментах графема a [a] фиксируется в начальной позиции и первом слоге: Ya aj ‘луна, месяц’ [E 11, 45]; ç a ač ‘милость’ [E. 2]; sa as ‘поминки’ [E. 32]; AJ a [E. 11] anta ‘там’; à aY ‘возраст’ [E. 45]; à aå taš ‘внешняя сторона’ [E. 45]; YaB baj ‘имя собств.’ [E. 39]; N(q)a aqun ‘набег’ [E. 2]; (G)aå [E. 48] atağ ‘слава, известность, известный’; su É a Y [E. 16] jaŋus ‘один, единственный, одинокий’.

2. Обычно в середине основы (во втором и третьем слогах) гласные фонемы не выписываются: £ h aŋïz ‘поле, пашня’ [E. 48]; r g ägir ‘окружать, объезжать’ [E. 43]; NDUB budun ‘народ’ [E. 1, 5, 15, 29, 38, 43-45, 49]; r hö t tüŋür ‘бубен шамана’ [E. 11]; NLGo oєğlan ‘сын, юноша, молодой’ [E 18, 26, 29, 42, 45, 47, 51]; ö g d ö k küdägü ‘зять’ [E. 3].

2.1. В некоторых случаях выписываются гласные во втором слоге (в структурах VCVC, CVCVC, VCCVC, CVCCVC, CVCVCCV): n i kö ökin ‘каяться, сожалеть’ [E. 26]; n i r ärin ‘муж’ [E 10, 26, 29, 42]; Lu GO oğul ‘сын’ [E 47], Ro å B batur ‘богатырь’ [E. 29]; No å K qatun ‘госпожа, жена хана’ [E 3, 12]; NOå L: altun ‘золото, золотой’ [E. 3, 11, 25, 28, 29, 81]; KI GB bağïr ‘печень’ [E 26]; Yu c o K [E. 1, 22, 27, 45] qunčuj ‘принцесса, младшая родственница ханской крови’: i m r i g y [E. 5, 45, 52, 65], i m r i g ê y [E. 45], i m r i g Y [E. 48] jägirmi ‘двадцать’.

3. В конечной позиции гласные фонемы всегда фиксируются: a p ara ‘мать, старшая сестра, отец, дедушка, предок’ [E 6, 20, 24]; a k äkä ‘тетка, старшая сестра’ [E 12]; i à i k kiši ‘человек’ [E 11, 24]; a YK qaja ‘скала’ [E. 39]; i r ht täŋri ‘небо, божество’ [E. 10, 13, 16, 32, 36, 50, 67]; I KLI Y jïlqï ‘лошадь’ [E. 10, 11, 46] ö g d ö k küdägü ‘зять’ [E. 3].

3.1. При аффиксации конечные гласные корня или основы обычно не сохраняются: m ç m n i inim-äčim ‘мои младшие и старшие братья’ [E. 28]; m Ro urïm ‘мой сын’ [E. 32]; pNLh aŋlanïp ‘узнав’ [E. 38]; g l n i inilig ‘имеющий младших братьев’ [E. 28]; m n ö k künim ‘моя подруга’ [E. 45]; m r ht täŋrim ‘мое небо’ [E. 36].

3.1.1. В тех случаях, когда слова пишутся отдельно, т. е. разграничиваются разделительными знаками, конечные гласные корня обычно выписываются: Z m i ç äčimiz ‘наш старший родственник’ [E. 32]; m i ç i ičim ‘мой старший родственник’ [E. 17]; m o So å tusum ‘моя польза’ [E. 44]; a d i r ht täŋridä ‘на небе’ [E. 10]; m r l ö g d ö k küdägülärim ‘мои зятья’ [E. 3].

4. Твердый вид согласных (B, D, å , R, N, L, S, Y) пишется с гласными заднего ряда [a, ï, o, u], а мягкий вид согласных (b , d , t ,r ,n ,l ,s,y) с гласными переднего ряда [ä, i, ö, ü].

4.1. В анлауте в основах, где обычно после j наблюдается заднерядный [ï], вместо ожидаемого велярного Y [j¹] иногда встречается его палатальный вид y [j²]: ÉI y jïš ‘лес, чернь’ [E 16]; I KLy jïlqï ‘лошадь’ [E. 26].

4.1.1. Иногда вместо ожидаемого велярного [т¹] отмечается палатальный [т²]: GOt [E. 9, 29], t²oğ ‘1. родить, рождаться, 2. восходить (солнцу), a t Y [E. 28] jït²a ‘межд. увы’; £ t Y [E. 42] jot²uз ‘жена’.

4.2. В единичных случаях встречаются велярные виды согласных S [s¹], N [n¹], L [l¹] вместо ожидаемых палатальных s [s²], n [n²], l [l²]: g RS [E. 41] särig ‘желтый’, a N [E. 42, 51] nä ‘что’; t L [E. 28] älät ‘мучение’.

5. В некоторых случаях графема K [k] выписывается с заднерядными гласными (ï, u): Z i K qïz ‘девочка, дочь’ [E. 3, 16]; Yo K quj [E. 3, 6–8, 10, 13, 14, 16, 22, 26, 27, 29, 45, 46]; I KLI Y jïlqï ‘лошадь’ [E. 10, 11, 46]; Yu c o K qunčuj ‘принцесса, младшая родственница ханской крови’ [E. 1, 22, 27, 45].

6. Фонетические вариации фиксируются: l i ил [E. 26, 27, 28, 30, 32] // l [E. 3, 29, 75], l ê [E. 44, 51], l b [E. 8, 11, 13, 25, 44], l á [E. 10] äl ‘государство, народ’; s äc [E. 26] // Éi [E 16] iš ‘ товарищ’; n m [E. 10, 28, 29, 32, 47] män ‘я’ // n b : [E. 1–3, 9–11, 13, 15, 16, 20, 22, 37, 41, 44, 48–50], b n [E. 19], Æb [E. 51] bän ‘я’; Ö g hb [E. 11, 28, 33], b (hg)R [E. 24] bäŋgü, Ökhb [E. 20, 27, 48] // Ö¿ hb [E. 39] bäŋkü ‘вечный’, Ökhm [E. 39] mäŋkü ‘вечный’; ò m Ök kümüš [E. 44, 45] // sm Ök [E. 82] kümüs ‘серебро’; si m å L [E. 26] altmïs // à m å L [E. 1, 48], à m v [E. 41] altmïš ‘шестьдесят’.

7. Наблюдается явления бустрофедона: Yo K quj [E. 3, 6–8, 10, 13, 14, 16, 22, 26, 27, 29, 45, 46] // Ko Y [E. 18] ‘помещение, где живет женская часть семьи какого-либо высокопоставленного лица’; GB [E. 27, 38, 41, 42, 49] // BG [E. 24] bağ ‘родовое деление народа’; NDU B [E. 1, 5, 15, 29, 38, 43–45, 49] // Bu DN (вверх ногами) [E. 19] budun ‘народ’; Ö g hb [E. 11, 28, 33], u g hb [E. 36] // b (hg)R [E. 24] bäŋkü ‘вечный’; n | Ö [E. 10, 11, 20, 29, 31, 35, 42, 48], n ö | Ö [13, 15, 23, 26, 30, 32, 46, 50] // R| n [E. 24] üčün ‘для, ради, чтобы, по причине’.

8. В редких случаях наблюдаются разделения основы знаком [:]: R:m [E. 2]

mar 'наставник'; Y:c o K: qunčuj [E. 10] ‘принцесса, младшая родственница ханской крови’.

8.1. Кроме обычного разделительного знака [:] в некоторых случаях встречается знак [ú]: m DLRDú a m Bu ò úaå I Y ú a m r y [E. 11] järimä jïta subïma адырылтым adïrïltïm ‘я отделился, горюя, от своей земли и своей воды’.

9. Вариации написания слов:

А) В односложных корнях: 1. Фиксирование и пропуск гласных фонем: а) начального гласного [а]: å [E. 1, 2, 5, 15, 26, 28, 29, 38, 40–42, 45, 48–50] // å a [E. 32] at ‘имя’, Ya [E 11, 45] // Y [E 10, 11, 28, 29, 44, 45, 48] aj ‘месяц, луна’; б) [а] в середине основы: jaš à Y [E. 1, 3, 6, 21–23, 41, 42, 44, 48, 49], ò Y [E. 10, 11, 29, 37], É Y [E. 15, 16], sY [E. 26], ∩Y [E. 32] // à a Y [E. 45] ‘возраст’; RB [E. 20, 28, 30, 40, 48] // Ra B [E. 48] bar I ‘есть, имеется, имущество’; в) [ï] в середине основы: Z i K [E. 3,16] // Z K [E 22] qïz‘девочка, дочь’; 2. Вариации в написании согласных фонем: а) начального [к]: r Öè kör [E. 32, 47] // r ö k [E. 26] ‘видеть, смотреть’; | :ö è [E. 25] // | ö k [28, 32] küč ‘сила’; б) конечного [з]: Z i b [E. 28, 36], Z b [E. 32] // £ b [E. 28] biz ‘мы’; Z i s [E. 1, 3, 11, 16, 21, 25–27, 46] Z s [E. 3, 10, 14, 15, 25, 43], £ s [E. 10, 41, 42, 44, 46, 48, 49, 51] // £ i s [E. 44, 45, 48, 56], z s [E. 5, 9, 50] siz ‘вы’.

Б) В двухсложных основах: 1. Фиксирование и пропуск гласных: а) [ы] в первом слоге: aå i Y [E. 10, 11, 17, 26, 43, 48] // aå Y [E. 3, 27, 32, 44] jïta ‘межд. увы’; б) [ü] во втором слоге: n | Ö [E. 10, 11, 20, 29, 31, 35, 42, 48] // n ö | Ö [13, 15, 23, 26, 30, 32, 46, 50] üčün ‘для, ради, чтобы, по причине’; в) г) [u] в середине основы: Yu c o K [E. 1, 22, 27, 45] // Yc o K [3, 6–8, 11, 13, 14, 16, 25, 29, 46, 48] qunčuj; 2. Вариации в написании согласных фонем: а) начального [q]: t (D)ö [E. 19] // Ri DK [E. 27] qadïr ‘суровый, грозный’; б) начального [j]: I KLI Y [E. 10, 11, 46], I QLI Y [E. 47] // I KLy [E. 26] jïlqï ‘лошадь’; в) [р] в середине основы: NKRå [E. 30, 47] // NKö å [E. 32] tarqan ‘титул’; г) [ŋ] в середине основы: NUÅ ò [E. 7, 12, 24] // NUhò [E. 48] šanuŋ ‘полководец, генерал’; д) конечного [ŋ]: ÉRo [E. 10] // Å Ro [16, 32] uruŋ войско, 2. флаг, знамя’; е) фиксирование разных графем: NOå L [E. 3, 11, 25, 28, 29, 81] // NV [E. 41] altun ‘золото, золотой’; I å L [E. 1, 3, 48, 49, 51], Lå i [E. 24] // i v [E. 32] altï ‘шесть’.

Орфографические особенности в аффиксальных морфемах

А) Фиксирование гласных фонем в аффиксах:

1. Гласных i [ï, i]:

1.1. В аффиксе винительного падежа лично-притяжательного склонения 3-го лица -in: n i m d r (ä)rd(ä)min ‘его доблести’ [E. 32]; n i Z d b b(ä)d(i)zin ‘его памятного здания’ [E. 32].

1.2. В аффиксе дательного падежа лично-притяжательного склонения 3-го лица -ïŋa: a É I NK q(a)nïŋa ‘его (их) хану’ [E. 13]; a hI NDo B bud(u)nïŋa ‘его народу’.

1.3. В аффиксе местно-исходного падежа лично-притяжательного склонения 3-го лица -ïnta: aå NI sY j(a)sïnta ‘в его (их) возрасте’ [E. 26].

1.4. В аффиксе притяжательности 1-го лица единственного числа -ïm, -im: m i RLa W (a)čalarïm ‘мои родственники’ [E. 41]; m i å (a)tïm ‘мое имя’ [E. 48]; m i ï d r ärdämim ‘моя доблесть’ [E. 41].

1.4.1. В большинстве случаев в аффиксе -ïm, -im не выписывается гласный: m ï d r (ä)rd(ä)m(i)m ‘моя доблесть’ [E. 41]; m r y j(ä)r(i)m ‘моя земля’ [E. 42]; m NLGo oğlan(ï)m ‘мои сыновья’ [E. 42].

1.5. В словообразовательном аффиксе прилагательного -sïz: z i shK q(a)ŋs²ïz ‘без хана’ [E. 45].

1.6. В словообразовательном форманте числительного -mïs: si m å L (a)ltmïs ‘шестьдесят’ [E. 26].

1.7. В аффиксе орудного падежа -ïn: Ni ç s s²(a)čïn ‘с волосами’ [E. 26].

2. Заднерядного [u]:

2.1. В аффиксе притяжательности 1-го лица единственного числа -um: m o LGo oğlum ‘мой сын’ [E. 20]; m o So å tusum ‘моя польза’ [E. 44]; m o Bo ò subum ‘моя вода’ [E. 45]; m o No DB b(u)dunum ‘мой народ’ [E. 45].

2.2. В аффиксе настоящего-будущего I времени -ur, -jur: Ro NGRK q(a)rğ(a)nur ‘проклинают’ [E. 25].

2.3. В аффиксе повелительного наклонения 3 лица -zun: n o Z Ru å turzun ‘он пусть встанет (живет)’ [E. 48].

3. Переднерядного [ü]:

3.1. В аффиксе дательного падежа лично-притяжательного склонения 1-го лица: -ümä: a m ö c Z ö k köz(ü)nčümä ‘с моими сокровищами’.

3.2. В словообразовательном аффиксе прилагательного -süz: z Ösg Ö ögsüz ‘без матери’ [E. 45].

Б) Особенности написания согласных фонем в аффиксах:

1. В аффиксальных морфемах, где обычно наблюдается заднерядный гласный (ï), выписываются палатальные виды согласных n [n²], s [s²] вместо велярных N [n¹], S [s¹].

1.2. В аффиксе принадлежности 3-го лица -sï перед (ï) выписывается палатальный s [s²]: i sR aras²ï ‘букв. его середина; между, среди (чего-л.)’ [E. 24].

1.3. В словообразовательном аффиксе прилагательного -sïz перед (ï) пишется палатальный s [s²]: z i shOB buŋsïz ‘безграничный, безмерный’ [E. 26]; z i shK qaŋs²ïz ‘без хана’ [E. 45].

1.3.1. В некоторых случаях в аффик-сах -sïz, -suz перед (ï), (u) наблюдается енисейский вариант велярного [s¹] знак ò : Z i ò ÉK qaŋsïz ‘без хана’ [E. 6]; z u - ò u ÉOB buŋsuz ‘беспечальный’ [E. 6].

1.4. В аффиксе повелительного наклонения 1 лица единственного числа -jïn после [ï] выписывается палатальный n [n²]: n Yò Y jašajïn² ‘да живу я’ [E. 36].

1.4.1. Иногда в аффиксе -ajïn отмечается велярный N [n¹]: NYa KLY joluqajïn ‘да буду я вашей жертвой’ [E. 10].

1.5. В аффиксе прошедшего неочевидного времени -mïs после (ï) отмечается палатальный s [s²]: sm (i)O(t) qolmïs² ‘он просил’ [E. 43].

Итак, орфографический анализ Руниче-ских текстов енисейских памятников выявляет следующие основные особенности: а) наличие специфических знаков, характерных только для енисейских текстов; б) использование своеобразных разделительных знаков; в) наличие особых правил написания гласных в корневых основах и аффиксах; г) фиксирование графем в обратном направлении; в) фиксирование согласных [j], [s] с заднерядным гласным [ï]; г) фиксирование гласных фонем в основах, представляющих структурные типы VCCVC, CVCVC VCVC, CVCVC, VCCVC, CVCCVC, CVCVCCV; д) вариативность написания согласных [n], [l], [s], [t]; е) фиксирование фонетических корреляций; ё) наличие бустрофедона.

ПРИМЕЧАНИЯ

E. — енисейские памятники; V — гласные фонемы; C — согласные фонемы; s^1, n^1, l^1 — велярные фонемы; s^2, n^2, l^2, t^2 — палатальные фонемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аманжолов А. С.* Графика таласских, енисейских и орхонских надписей // Казак тілі мен эдебиети. Вып. 3. Алма-Ата, 1973. С. 16–6.

2. *Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф.* Современная и древняя Енисеика. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1962. 249 с.

3. *Киселев С. В.* Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан: Хакас. област. изд-во, 1951. 90 с.

4. *Кормушин И. В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Сов. тюркология. 1975. № 2. С. 25–47.

5. *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М.: Изд. Фирма Вост. лит-ра РАН. 1994. 327 с.

6. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 108 с.

7. *Щербак А. М.* О фонетических особенностях языка «Кутагду билиг» и древнеуйгурском консонантизме // Сов. тюркология. 1970. № 4. С. 20–23.

8. *Bang W.* Turcica. Mitteilungen der Vorderasiatische Gecellschaft. Hommel-Festschriften. T. II. 1916. C. 270–294.

9. *Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. London. 1962. XVII. 261 p.

10. *Gabain A. von.* Alttürkisches Schrifttum // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: phil.-hist. Kl., Jg. 1948. III. Berlin, 1950. 24 s.

11. *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 3. St.-Pbg., 1895. XI. 460 s.

12. *Thomsen V.* Une lettre meconnue des inscriptions de l'Ienissei // Journal de la Societe Finno-Ougrienne XXX: 4. Helsinki 1913–1918. P. 1–9.

REFERENCES

1. *Amanzholov A. S.* Grafika talasskih, enisejskih i orhonskih nadpisej // Kazak tili men jedebieti. Vyp. 3. Alma-Ata, 1973. S. 16–6.

2. *Batmanov I. A., Aragachi Z. B., Babushkin G. F.* Sovremennaja i drevnjaja Eniseika. Frunze: Izd-vo AN Kirgizskoj SSR, 1962. 249 s.

3. *Kiselev S. V.* Kratkij ocherk drevnej istorii hakasov. Abakan: Hakas. oblast. izd-vo, 1951. 90 s.

4. *Kormushin I. V.* K osnovnym ponjatijam tjurkskoj runicheskoj paleografii // Sov. tjurkologija. 1975. № 2. S. 25–47.

5. *Kyzlasov I. L.* Runicheskie pis'mennosti evrazijskih stepej. M.: Izd. Firma Vost. lit-ra RAN. 1994. 327 s.

6. *Malov S. E.* Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 108 s.

7. *Werbak A. M.* O foneticheskih osobennostjah jazyka «Kutagdu bilig» i drevneujgurskom konsonantizme // Sov. tjurkologija. 1970. № 4. S. 20–23.

8. *Bang W.* Turcica. Mitteilungen der Vorderasiatische Gecellschaft. Hommel-Festschriften. T. II. 1916. S. 270–294.

9. *Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. London. 1962. XVII. 261 p.

10. *Gabain A. von.* Alttürkisches Schrifttum // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: phil.-hist. Kl., Jg. 1948. III. Berlin, 1950. 24 s.

11. *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 3. St.-Pbg., 1895. XI. 460 s.

12. *Thomsen V.* Une lettre meconnue des inscriptions de l'Ienissei // Journal de la Societe Finno-Ougrienne XXX: 4. Helsinki 1913–1918. P. 1–9.